

АФИСЕМСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ*

А.Ф. ПИСЕМСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

•

Редакционная коллегия:

Г. А. БЯЛЫЙ
М. П. ЕРЕМИН
С. А. МАКАШИН

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

А.Ф. ПИСЕМСКИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ПЯТЫЙ

•

ЛЮДИ
СОРОКОВЫХ ГОДОВ
ЧАСТИ ТРЕТЬЯ-ПЯТАЯ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

Р1
П34

Комментарии
С. А. РОЗАНОВОЙ

Оформление художника
Е. ГОЛЬДИНА

П 4702010100-116
028(01)-84 —подписное

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ МАКАРА ГРИГОРЬЕВА

Павел кончил курс кандидатом и посбирывался ехать к отцу: ему очень хотелось увидеть старика, чтобы покончить возникшие с ним в последнее время неудовольствия; но одно обстоятельство останавливало его в этом случае: в тридцати верстах от их усадьбы жила Фатеева, и Павел очень хорошо знал, что ни он, ни она не утерпят, чтобы не повидаться, а это может узнать ее муж — и пойдет прежняя история.

В такого рода соображениях и колебаниях прошло около двух месяцев; наконец в одно утро Иван сказал Вихрову, что пришел Макар Григорьев. Павел велел позвать его к себе.

Макар Григорьев вошел.

— Ладно, что застал вас дома; а то думал, что, пожалуй, и не захвачу! — сказал он каким-то странным голосом.

— Нет, я дома! — отвечал Павел и указал старику на стул. Он всегда сажал Макара Григорьева с собой.

Макар Григорьев сел и несколько времени ворочался на стуле, кряхтел и как бы не находил о чем ему заговорить.

— Домой вот, Макар Григорьевич, в деревню собираюсь, — начал Павел сам.

— Ну это что же! — произнес что-то такое Макар Григорьев. — Есть оттуда оказейка, приехал один человек.

— Какой человек? — спросил Павел, не совсем понимая, что хочет этим сказать Макар Григорьев.

— Наш человек приехал; папенька ваш не так здоров... — отвечал Макар Григорьев и потупился.

— Как не так здоров? — произнес Павел, уже побледнев немного, — вероятно, он очень болен, если прислан нарочный!

— Да! — отвечал Макар Григорьев каким-то глухим голосом, и в то же время старик не глядел на молодого барина.

— Макар Григорьев, послушай, не томи меня: умер он или жив? — воскликнул Павел.

— Что жив... Известно, все под богом ходим.

— Значит, он умер?.. Это я вижу, — сказал Павел прерывающимся голосом, — когда он умер? — прибавил он как-то твердо и желая прямо поставить вопрос.

— Двадцать третьего июля изволил скончаться, — отвечал Макар Григорьев.

— И я его, вероятно, довел до смерти своей последней неприятностью, — произнес Павел.

— Ничего не вы, что за вы? Семидесяти лет человек помер, не Енохом же бессмертным ему быть, пора и честь знать!

— Однако это последнее письмо, которое я ему послал, я думаю, его не порадовало.

— Я не посылал этого письма, — ответил Макар Григорьев.

— Как не посылал? — воскликнул Павел уже радостно.

— Так, не посылал: что из-за вздору ссориться!.. Написал только ему, что вы очень испугались и писать ему не смеее.

— О, благодарю тебя! — воскликнул Павел и, вскочив, обнял и поцеловал Макара Григорьева.

— Приказчик ваш оттуда приехал, Кирьян; бумаги вам разные привез оттуда.

— Бог с ними, ничего этого я видеть не хочу; батюшка, милый мой, бесценный! Я никогда тебя уже больше не увижу! — говорил с слезами на глазах Павел, всплескивая горестно руками.

Макар Григорьев слушал его молча; на его маленьких и заплавленных глазах тоже появились как будто бы слезы.

— Что плакать-то уж очень больно, — начал он, — старик умер — не то что намаявшись и нахвораючись!.. Вон как другие господа мозгнут, мозгнут, ажно прислуге-то всей надоедят, а его сразу покончило; хорошо, что еще за неделю только перед тем исповедался и причастился; все-таки маленько помер очищенный.

Павел между тем глядел в угол и в воображении своем представлял, что, вероятно, в их длинной зале расставлен был стол, и труп отца, бледный и похолодевший, положен был на него; а теперь отец уже лежит в земле сырой, холодной, темной!.. А что, если он в своем одночасье не умер еще совершенно и ожил в гробу? У Павла сердце замерло, волосы стали дыбом при этой мысли. Он прежде всего и как можно скорее хотел почтить память отца каким-нибудь серьезно добрым делом.

— Макар Григорьев, — начал он, — я хочу всех вас предварительно заложить в опекунский совет, а потом отпущу на волю!

— Как на волю, пошто? — спросил тот.

— А по то, чтобы вы не были крепостными; пока я жив, то, конечно, употреблю все старание, чтобы вам было хорошо; но я умру, и вы достанетесь черт знает кому, и тот, будущий мой наследник, в дугу вас, пожалуй, начнет гнуть!

— Что пустяки какие, — умрете, да в дугу кто-то начнет гнуть. Все вы вздор какой-то говорите. Позовите лучше Кирьяна к себе и примите от него бумаги; я его нарочно привел с собой!

— Ну, позови!

Кирьян вошел. Это уж был теперь совсем седой старик. Он подошел прямо к руке барина, и, как тот ни сопротивлялся, Кирьян притянул к себе руку его и поцеловал ее.

— Что, Кирьян, лишились мы с тобой нашего благодетеля, — начал Павел с наворачнувшимися опять слезами на глазах.

— Да, батюшка, несчастье какое божеское постигло нас, — отвечал Кирьян, покачивая своей головой и как бы кокетничая своею печалью.

Макар Григорьев, как мы знаем, не прилюбивал полковника, но все-таки видно было, что он искреннее сожалел об его смерти, чем плутоватый Кирьян.

— Как же и в какой именно час дня отец помер? — спросил Павел.

— Двадцать третьего числа-с, — отвечал Кирьян, — во время обеденного стола; гостья у них-с была, старушка Катерина Гавриловна Плавина... и все про сына ему рассказывала, который видется, что ли, с вами изволил?

— Да, виделся, — отвечал Павел скороговоркой.

— Она об этом ему рассказывала,— он слушать изволил ее, и жареное уж кушать начал, вдруг покатился со стула и жизнь покончил, и салат еще в губках остался; у мертвого уже у него вынимали из ротуку.

— Но отчего же все это с ним случилось? Был он перед этим болен, расстроен чем?

— Ничего не было того-с,— отвечал Кирьян.— Конечно, мы сами мало в этом понимаем, но господа тут на похоронах разговаривали: ножки ведь у них от ран изволили болеть, и сколько они тоже лечили эту болезнь, почесть я каждую неделю в город за лекарством для них от этого ездил!.. Все ничего, никакой помощи не было, но старушонка-лекарка полечила их последнее время, только и всего — раны эти самые киноварью подкурила, так сразу и затянуло все... ну, и господа так говорили: раны закрылись, в голову и ударило,— вред от этого после вышел!

— Очень не мудрено...— произнес Павел,— но как же не стыдно было покойному батюшке доверять себя какой-нибудь бабе-дуре.

— Тут уж довериться изволили,— отвечал Кирьян и вздохнул.

— Покойный папенька ваш не то что из поученых барь был, а простой: все равно, что и мужик!— вмешался в разговор Макар Григорьев.

— Но кто же распоряжался всем, когда отец помер?— спросил Павел.

— Да эта же самая Катерина Гавриловна Плавина; слава богу, что она и случилась тут: сейчас все ящики, сундуки и комоды опечатала, послала к священникам и за становым. Тот опять тоже переписал все до последнего ягненка.

— Ну, потом похоронили?— говорил Павел. Он хотел знать все подробности, сопровождавшие смерть отца.

— Похоронили-с! Господ очень много съехалось; даже вон из Перцова молодая барыня приезжала; только что в церкви постояла, а в усадьбу в дом не поехала.

— Из Перцова?.. Клеопатра Петровна? — переспросил Павел.

— Да-с, они самые, кажется!.. и как плакать изволили — ужас: пошли с последним-то лобызанием, так на гроб и упали; почесть на руках отнесли их потом отсюда.

«Это что такое? — подумал Павел, удивленный и пораженный этим известием,— что такое эта безумица дела-

ет?.. Неужели она еще любит меня, что и ей так дорого все, что касается до меня?»

От Клеопатры Петровны, с самого ее отъезда в деревню, не было ни строчки. Павел недоумевал.

— К тестеньку-то, видно, пожелала приехать и поклониться ему в последний раз,— пробунчал себе под нос Макар Григорьев.

— Но у ней у самой муж умирает? — спросил Павел Кирьяна.

— Плох, тоже слышно, очень... Кучер ихний при церкви рассказывал о том нашему Петру,— отвечал Кирьян.

— Кучер кучеру там какому-то рассказывал,— перебил, передразнивая Кирьяна, Макар Григорьев.— А ты вот бумаги-то лучше, что привез, подай барину.

Кирьян на эти слова вынул толстый, завернутый в сахарную бумагу пакет и подал его Павлу. Тот развернул, и первое, что увидел,— это билеты приказа общественного призрения на его имя и тысяч на тридцать.

— Это какие деньги? — спросил он.

— Папенькины-с. У них так и записка найдена, чтобы эти деньги сейчас с нарочным к вам везти.

— Откуда же он мог их накопить? — спросил Павел.

— Откуда? — произнес насмешливо Макар Григорьев,— старик хапуга был: одно лесное имение от сплавного леса, чай, тысячи три дает.

— Дает! — подтвердил и Кирьян.

— А на себя тоже копейки не уболил издержать,— продолжал Макар Григорьев.

— Да уж это точно что,— подтвердил Кирьян,— когда вот Павла Михайлыча нет, что люди едят, то и он кушает.

— Дрожал старик надо всем!..— произнес Макар Григорьев,— окромя этих денег, он Воздвиженское еще вам купил,— прибавил он, обращаясь к Павлу.

— Как купил? — спросил тот с удивлением.

— Куплено-с,— отвечал Кирьян,— перед самой почесть смертью они и крепость на него изволили совершить.

— Но зачем же те-то господа продали?

— Так слышно, что сын-то генеральшин женится на миллионерке; ну, так чтобы на свадьбу деньги иметь,— объяснил Кирьян.

— Форс тоже держат,— подхватил Макар Григорьев,— коли на богатой женится, так чтобы она думала, что и он

богат; а как окрутят, так после и увидят, что свищ только один, прохвост, больше ничего, по-нашему, по-мужицки, сказать...

— Воздвиженское!.. Воздвиженское теперь мое! — повторял Павел с заметным удовольствием.

— Папенька так уж нарочно для вас и купили, — продолжал объяснять Кирьян. — «Папенька, говорит, всегда хвалил Воздвиженское: вот, говорит, папенька, такую бы нам усадьбу!.. — Ну, так, говорит, пусть он теперь владеет ею, куплю ему на потешку ее!»

Павел опять предался при этом горестным мыслям и воспоминаниям. «Милый, дорогой родитель, — шептал он сам с собой, — вся твоя жизнь была заботой обо мне, чтобы как-нибудь устроить мою будущность; малейшее желание мое ты всегда хотел исполнить, а я между тем грубил тебе, огорчал тебя!»

И Павел в самом деле искренно думал, что он совершил против отца страшнейшие злодеяния, и затем он снова перешел к прежней своей мысли почтить память старика серьезно добрым делом.

— Ну вот, мои друзья, ты староста дворовый, — сказал он Кирьяну, — а ты, Макар Григорьев, я уж не знаю какой староста, ты мне второй отец становишься...

— Вона! — произнес Макар Григорьев насмешливо, но, видимо, тронутый словами Павла.

— Научите вы меня, как мне все мое имение устроить, чтобы всем принадлежащим мне людям было хорошо и привольно; на волю я вас думал отпустить, но Макар Григорьев вот не советует... Что же мне делать после того?

— Да ничего не делать, вести, как и при папеньке было!.. Что еще тут делать? — перебил Макар Григорьев почти строго Павла, а сам в это время подмигивал ему так, чтобы Кирьян не заметил этого.

— Ничего не надо делать! — повторил он еще раз и обратился уже к Кирьяну:

— Ты шел бы, паря, домой!.. Отпустите его; он устал тоже с дороги, — прибавил он Павлу.

— Пожалуй! — отвечал Павел, несколько сконфуженный этими словами и распоряжениями Макара Григорьева.

— Так я пойду-с, — сказал Кирьян и потом опять насильственно поцеловал у Павла руку и ушел.

— Что это вы вздор этакой говорите при этом дураке; он придет, пожалуй, домой и всю вотчину вашу взбунтует... — начал Макар Григорьев.

— Что же за вздор? — спросил Павел.

— Как не вздор!.. И на волю-то вас отпущу, и Кирюшка какой-нибудь — *друг мой*, а я уж и *батькой* *вторым* стал; разве барину следует так говорить; мы ведь не дорого возьмем и рыло, пожалуй, после того очень поднимем.

— Я не для поднятия вашего рыла это делаю, а чтобы устроить ваше благосостояние, — сказал Павел.

— Так что же?.. Дурак-то Кирьяшка и научит вас: он скажет, дай ему денег больше, вот и все наученье его!

— Ну, так ты меня научи! — сказал Павел. Макар Григорьев казался ему великолепен в эти минуты.

— Я-то научу не по-ихнему, — отвечал тот хвастливо, — потому мне ничего не надо, я живу своим, а из них каждая бестия от барской какой-нибудь пуговки ладит отлить себе и украсть что-нибудь... Что вам надо, чтобы было в вашем имении?

— Чтобы бедных мужиков у меня не было.

— Да бедных почесть и нет, есть многосемейные только, с малыми детьми; ну, тем — известно — потяжелше!

— А если им потяжелше, с них меньше повинностей надо брать.

— Ничего не надо! Вздумайте-ка только это вы завести, у вас все сейчас бедными притворятся. Мы ведь, мужики — плуты... Вы не то что позволяйте которому оброку не доносить, пусть он платит, как следует; а потом мне, что ли, хоть из оброку и отдадите, сколько пожелаете: а я в дом это к нему и пошлю, будто жалованья ему прибавляю, а коли не станет заслуживать того, так отдеру.

— Хорошо, я тебе буду отдавать, — сказал Павел, слышавший еще и прежде, что Макар Григорьев в этом отношении считался высокочестным человеком и даже благодетелем, батькой мужицким слыл, и только на словах уж очень он бранчив был и на руку дерзок; иной раз другого мужичка, ни за что ни про что, возьмет да и прибьет.

— Дворовым я завел, чтобы лучше пищу выдавали; не знаю, идет ли теперь это?

— Идет точь-в-точь так, это я слышал. Им ничего больше не надо прибавлять, будет с них, дьяволов!

— Будет?

— Будет! а то хуже избалуете. Вы когда думаете в деревню-то ехать?

— Ехать-то мне, — начал Павел, — вот ты хоть и не

хочешь быть мне отцом, но я все-таки тебе откроюсь: та госпожа, которая жила здесь со мной, теперь — там, ухаживает за больным, умирающим мужем. Приеду я туда, и мы никак не утерпим, чтобы не свидеться.

— Где уж тут, утерпите ли... господа тоже ведь избалованы насчет этого.

— Да, — подтвердил Павел, не вслушавшись в последние слова Макара Григорьева, — а между тем это может страшно ей повредить, наконец встревожит и огорчит умирающего человека, а я не хочу и не могу себе позволить этого.

— Нет, вам не надо туда ездить, — решил и Макар Григорьев, — пустое дело — бросить вам все это надо; может быть, здесь невесту настоящую, хорошую, с приданным найдете!

— Ах, кстати, — перебил его Павел, вспомнив гри слово «с приданным» о деньгах, которыми так великодушно снабжал его Макар Григорьев в продолжение последнего времени, — не угодно ли вам принять от меня мой долг!

И с этим словом он вынул из сахарной бумаги один билет приказа и подал его Макару Григорьеву.

— Ну, что, успеете еще! — произнес было тот.

— Бери! — повторил Павел настоятельно.

Макар Григорьев усмехнулся только и положил билет в карман.

— Удивительное дело — какие нынче господа стали, — проговорил он, продолжая усмехаться.

— А что? — спросил Павел.

— Да так! Совсем не то, что прежние, — отвечал Макар Григорьев, бог знает что желая тем сказать, — и ушел.

II ОПЯТЬ ЭЙСМОНДЫ

Нельзя сказать, чтоб полученное Вихровым от отца состояние не подействовало на него несколько одуряющим образом: он сейчас же нанял очень хорошую квартиру, меблировал ее всю заново; сам оделся совершеннейшим франтом; Ивана он тоже обмундировал с головы до ног, Хвастанью последнего, по этому поводу, пределов не было. Горничную Клеопатры Петровны он, разумеется, сию же минуту выкинул из головы и стал подумывать, как бы ему жениться на купчихе и лавку с ней завести.

Чтобы кататься по Москве к Печкину, в театр, в клубы, Вихров нанял помесечно от Тверских ворот лихача, извозчика Якова, ездившего на чистокровных рысках; наконец, Павлу захотелось съездить куда-нибудь и в семейный дом; но к кому же? Эйсмонды были единственные в этом роде его знакомые. Мари тоже очень разбогачена: к ней перешло все состояние Еспера Ивановича и почти все имение княгини. Муж ее был уже генерал, и они в настоящее время жили в Парке, на красивой даче.

— Ну, Яков, завтра ты мне рысачка получше давай! — сказал Вихров, когда Яков вечером пришел в горницу чай пить. Павел всегда его этим угощал и ужасно любил с ним разговаривать: Яков был мужик умный.

— Дадим-с, — отвечал тот.

— Завтра мы с тобой поедem в Парк к одной барыне-генеральше; смотри, не ударь себя лицом в грязь, — продолжал Вихров и назвал при этом и самую дачу.

— Слушаю-с, — проговорил Яков и на другой день действительно приехал на таком рысаче, в такой сбруе и пролетке, что Павел вскрикнул даже от удовольствия.

— Ну-с, Яков Петрович, — сказал он, усаживаясь в пролетку, — какого это завода конь?

— Мосоловского, — отвечал Яков, сидя прямо и внимательно поглядывая на лошадь, которая сердито рыла копытом землю.

— Трогай! надеюсь, что на Тверской мы всех перегоним, — проговорил Павел.

Яков тронул: лошадь до самой Тверской шла покорной и самой легкой рысцой, но, как въехали на эту улицу, Яков посмотрел глазами, что впереди никто очень не мешает, слегка щелкнул только языком, тронул немного вожжами, и рысак начал забирать; они обогнали несколько колясок, карет, всех попадавшихся извозчиков, даже самого обер-полицеймейстера; у Павла в глазах даже зарябило от быстрой езды, и его слегка только прикидывало на эластической подушке пролетки.

— Немного осталось впереди-то! — сказал Яков, выехав за заставу и самодовольно оборачиваясь к Павлу: впереди в самом деле никого не было.

— Чудная лошадь! — воскликнул тот, смотря на это благородное животное, которое опять уже пошло тихо и покорно.

— У другого бы не стала она этого делать! — произнес Яков.

— Отчего же? — спросил Павел.

— Оттого, что человека чувствует!.. Знает, кто ею правит!.. — И Яков снова щелкнул языком, и лошадь снова понеслась; потом он вдруг, на всех рысях, остановил ее перед палисадником одной дачи.

— Здесь, надо быть, — проговорил он. Яков знал Москву, как свои пять пальцев.

Павел взглянул в палисадник и увидел, что в весьма красивой и богато убранной цветами беседке сидела Мари за большим чайным столом; а около нее помещался мальчишка, сынишка.

Мари, увидев и узнав Павла, заметно обрадовалась и даже как бы несколько сконфузилась.

— Ах, вот кто! — проговорила она.

Павел на этот раз почему-то с большим чувством поцеловал ее руку.

— А это ваш малютка? — сказал он, показывая на мальчика, подходя к нему и целуя того.

Ребенок как-то при этом ласково смотрел на него своими голубыми глазенками.

— А Евгений Петрович? — спросил Вихров Мари.

— Он дома и сейчас придет! — отвечала та, — поди, позови барина, — прибавила она стоявшему около беседки человеку.

Тот пошел.

Через несколько минут маленький, толстенький генерал, в летнем полотняном сюртуке, явился в сад; но, увидев Вихрова и вспомнив при этом, что вышел без галстука, стал перед ним чрезвычайно извиняться.

— Ничего, помилуйте! — говорил Павел, дружески пожимая ему руку.

— Все-таки мне совестно, — говорил генерал, захватывая себе рукой горло.

— Простит, ничего! — сказала ему и Мари.

Генерал наконец успокоился и сел, а Мари принялась сынишку поить чаем, размешивая хлеб в чашке и отирая салфеткой ему ротик: видно было, что это был ее баловень и любимец.

— Ты, однако, не был у покойного дяди на похоронах, — сказала она укоризненным голосом Вихрову.

— Я был болен, — отвечал тот.

— Н-ну!! — сказала Мари.

— Что такое — ну? — спросил ее Павел.